

III.11. Различие между «героями» и «обывателями»

*«Троль. Медведь тенденциозный,
Пылок, нравственен и смирен, —
Развращённый духом века,
Был пещерным санюлотом.
Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нёс в груди косматой.
Иногда zelo вонял он, —
Не талант, зато характер».*

Г. Гейне. Атма Троль, XXIV

Madame, имеете ли вы вообще представление об идеях?

Г. Гейне. Идеи. Книга Le Grand, XIV

Итак, вернёмся к структуре этнической системы. По Розенбергу, это — элита «избранной расы», живущая понятиями о «чести и долге» и обслуживаемая наследственно неполноценными людьми, ни на что большее не годными. По Гумилёву, это — конвинксия (группа, объединённая не только общими ценностями, но и действительной совместной жизнью), — итак, конвинксия пассионариев, окружённая службой.

Людей, составляющих эту службу, Н. Я. Данилевский называл «этнографическим материалом». У Розенберга эту роль играют «нижние расы» — терпимые, пока они подчиняются элите и вообще знают своё место: альпийская, динарская, восточно-балтийская (в которую включены и славяне) и другие. Несколько схожую картину нарисовал А. Азимов в рассказе «Сердобольные стержвятники».

У Гумилёва же роль «массы» играют «гармоничные люди» и «субпассионарии». Различаются они по балансу между пассионарностью (способностью стремиться к иллюзорному идеалу) и инстинктом. Если они уравновешены, перед нами — «идеально гармоническая личность, что-то вроде Андрея Болконского <...>. Причём и работает он хорошо — не за страх, а за совесть, но ничего лишнего он не сделает; это вам не Наполеон, который <...> неизвестно для чего завёвывал страну за страной» (Гумилёв 1990: 41). В дальнейшем, однако, автор начинает относиться гораздо хуже к «тем гармоничникам, которые находили выгодным поддерживать то или иное движение» (Гумилёв 1990: 101), и даже к «гармоничным особям (шкурникам)...» (Гумилёв 1990: 143).

Ниже всех, однако, стоят «субпассионарии» — люди, «у которых пассионарность меньше, чем импульс инстинкта» (Гумилёв 1990: 41). Здесь же примеры: все «чеховские персонажи», а в самом крайнем выражении — горьковские босяки. То есть — «серые» люди, «которые ни к чему не стремятся, хотят только выпить и закусить, поспать где-нибудь на досках за забором и ставят это целью своей жизни» (Гумилёв 1990: 94). Это — даже не столько строительный материал для нового этноса, сколько инертная масса, «толпа». В армии они годятся на роль либо пушечного мяса, либо мародёров, в мирное время используются «в качестве слуг, наложниц, наёмников» и даже «крестьян». Гуманность к ним — типичный случай абстрактного гуманизма (в советском жаргоне) или «Volks-Krankheit durch “Humanität”» — в терминах немецкого коллеги. В фазе этнического подъёма они вовсе никому не нужны, в фазе акме (или перегрева) их используют (только по необходимости), но «не ценят настолько, что дают им умереть с голоду, если не вешают “высоко и коротко” (фран-

цузская средневековая юридическая формулировка)» (см. Гумилёв 1990: 94—95). Ярким примером такого отношения могла бы послужить буквальная цитата из известного письма Ивана Грозного Василию Грязному: «Ты объявил себя великим человеком, — так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как угаить?), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды» (пер. Я. С. Лурье).

Правда, возникает одна неувязка. С одной стороны, «с такими людьми совершенно невозможно предпринять какую-нибудь крупную акцию. Об акции агрессивного характера здесь уже и говорить нечего, также и оборонительного: эти люди и защищать-то себя не могут» (Гумилёв 1990: 41). Однако в фазе этнической обскурации именно субпассионарии вытесняют и гармоничных людей, и пассионариев, причём силой. В эту фазу господствует «негативный принцип отбора»: «Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а ничтожество, не стойкость во мнениях, а беспринципность» (Гумилёв 1990: 206). В качестве примера приводятся солдатские бунты в поздней Римской империи. Пусть даже их действия стихийны, пусть эти люди не видят дальше собственного носа, так что даже их активность лишь приближает их же конец, но это всё-таки не жалкая картина «чеховских» героев.

Удивительна с этой точки зрения фраза: «новый поведенческий императив — реактивный императив *фазы надлома*. Формулируется он просто: “Мы устали от великих! Дайте пожить!”» (Гумилёв 1990: 148, курсив автора). Напомним, что, по Гумилёву, надлом — это фаза, когда пассионарии истребляют друг друга. А не обыватели на них охотятся!

В сущности, это всё то же старое романтическое представление о «герое и толпе», с делением толпы на «серых людей» и «филистеров» (мещан, обывателей, буржуа). Различию между ними посвятила немало страниц М. Оссовская в своей «*Буржуазной морали*»: «серый человек» (*koltun*) — тот, кто вообще не способен понять высокие принципы; филистер — тот, кто их понимает, но относится к ним потребительски (Оссовская 1987: 203). Первый из них у Л. Н. Гумилёва переименован в субпассионария, второй — в «гармоническую личность», у которой «души прекрасные порывы» не сильнее (но и не слабее) потребностей в комфорте. Всё остальное — психологические портреты, известные со времён движения «*Буря и Натиск*». Причём М. Оссовская отмечает любопытный парадокс: хотя все осуждают мещанство, практически невозможно назвать ни одного реального человека (не литературного героя), который действительно был бы стопроцентным мещанином. Иными словами (и Оссовская сама на это указывает), «мещанин» — это веберовский «идеальный тип», и не более того.

Торжество этих типов — фаза «утраты мечты» (Гумилёв 1990: 222—223). Это даже не столько картина образа жизни примитивных племён (сколько бы на этом ни настаивал автор), сколько шарж на социалистическое общество. Господствует «гармоничный человек», то есть (здесь это видно) филистер. Впрочем, на вопрос о неспособности филистеров на нечто великое ответил уже Дж. Р. Р. Толкиен — образами хоббитов.

У О. Шпенглера обыватель — образ «нового кочевника», появляющегося, однако, только в упадочной фазе «цивилизации».

«К мировому городу принадлежит не народ, а масса. Её бестолковость по отношению ко всякой традиции, означающая борьбу против культуры (дворянства, церкви, привилегий, династии, конвенций в искусстве, границ познавательных возможностей в науке)⁵⁹, её превосходящий крестьянскую смышленность острый и холодный ум, её натурализм совершенно нового пошиба, в своём стремлении назад далеко опережающий Сократа и Руссо и опирающийся во всём, что касается сексуального и социального, на первобытночеловеческие инстинкты и состояния, то самое *panem et circenses*⁶⁰, которое нынче снова всплывает под видом борьбы за увеличение заработной платы и спортивной площадки, — всё это знаменует по сравнению с окончательно завершённой культурой и провинцией некую исключительно новую, позднюю и бесперспективную, но вместе с тем и неизбежную форму человеческой экзистенции» (Шпенглер 1993: 166).

Тойнби же отнюдь не демонизирует обывателя, как Шпенглер или Гумилёв. Конечно, раз есть творческое меньшинство, значит, есть и нетворческое большинство, но и оно следует за лидерами, подражая им. А. Дж. Тойнби — ни в малой мере не нищезанец. Зато он часто и сочувственно ссылается на А. Бергсона, а многие положения роднят его с экзистенциалистами, творчески переработавшими учение Ф. Ницше. В оценке элит он близок к испанскому предтече экзистенциализма — Х. Ортега-и-Гассету:

«Представим себе скромного человека, который пытается определить свою ценность на разных поприщах, испытывает свои способности там и тут и, наконец, приходит к заключению, что у него нет таланта ни к чему. Такой человек будет чувствовать себя посредственностью, но никогда не почувствует себя членом “массы”. Когда заходит речь об “избранном меньшинстве”, лицемеры сознательно искажают смысл этого выражения, притворяясь, будто они не знают, что “избранный” — вовсе не “важный”, т. е. тот, кто считает себя выше остальных, а человек, который к себе самому требовательней, чем к другим, даже если он лично и не способен удовлетворить этим высоким требованиям. Несомненно: самым глубоким и радикальным делением человечества на группы было бы различие их по двум основным типам: на тех, кто строг и требователен к себе самому (“подвижники”), берёт на себя труд и долг, и тех, кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живёт без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто плывёт по течению <...>. Решает то, на какой путь направлена наша жизнь, — с высокими требованиями или с минимальными» (Ортега-и-Гассет 1989: № 3, 121).

Даже в надломе цивилизаций, как его описывает А. Дж. Тойнби, виновен не бунт «субпассионариев», а слабость элиты, оказавшейся не на высоте положения, из-за чего нарушается механизм мимесиса (см. ниже): «массы перестали быть послушными этим самым меньшинствам: они не повинуются им, не следуют за ними, не уважают их, а, наоборот, отстраняют и вытесняют их» (Ортега-и-Гассет 1989: № 3, 124). Однако испанский автор — идеолог «аристократии духа», считающий, что в кризисе XX века повинно «восстание масс», вытесняющих элиты с их законного места (там же).

Итак, в норме правят «избранные меньшинства», то есть элиты. Правда, по Ортега-и-Гассету их много в любое время (элита политическая, экономическая,

---

⁵⁹ Отметим попутно, к какому презренному типу О. Шпенглер относил лиц, расшатывающих «границы познавательных возможностей в науке!» В главе IV мы увидим, как активно занимался этим и он сам, и его «коллеги по цеху».

⁶⁰ Хлеба и зрелищ (лат.).

религиозная, художественная и т. д.), по Тойнби же, в любой момент ведущую роль играет только одна из этих элит (какая именно — зависит от того, с каким Вызовом общество столкнулось в этот конкретный раз). Массы же признают авторитет элиты в её профессиональной сфере, её особые права — без которых она не сможет выполнять свой долг перед обществом, — и подчиняются ей добровольно и с благодарностью. Подчиняются прежде всего через подражание, поскольку элита пытается подтянуть их до собственного уровня (Тойнби 1991: 259 и др.). Этот механизм подражания Тойнби назвал *мимесисом*. Пока он действует, цивилизация растёт. Если же в механизме мимесиса происходит непоправимый сбой, происходит «надлом» (breakdown) цивилизации, и с этого момента её ждёт гибель — неско-рая, но неотвратимая.

Однако отчего же этот сбой происходит? По Х. Ортеге-и-Гассету, виною все-му — «статистический факт»: демографический взрыв, в результате которого, по данным В. Зомбарта, население Европы с 1800 по 1914 г. возросло в 2,5 раза — «со 180 до 460 миллионов! <...> В течение трёх поколений оно массами производи-ло человеческий материал, который, как поток, обрушился на поле истории, затопляя его» (Ортега-и-Гассет 1989: № 3, 135). Иными словами, новые члены, вступающие в общество, не успевали социализироваться и начинали вести себя как варвары — но варвары во всеоружии достижений цивилизации. Что привело к такому «подъ-ёму жизни», должны ли были элиты, столкнувшиеся с демографическим взрывом, вести себя как-нибудь иначе, — для Ортеги-и-Гассета остаётся неясным.

Тойнби же различает два вида надломов — «отрицательный» и «положитель-ный», и в обоих виноваты не массы, а лидеры, не выдержавшие своей высокой миссии. Первый вид «состоит в том, что лидеры неожиданно для себя подпадают под гипноз, которым они воздействовали на своих последователей. Это приводит к ката-строфической потере инициативы» (: 305). Иными словами, они теряют свои каче-ства лидеров, и цивилизация останавливается в развитии («задержанные общества»). Это может случиться по-разному: например, элита начинает сама руководствовать-ся мифами, предназначенными только для «толпы», или вымирает её творческое поколение, и к власти приходят бывшие подчинённые, привыкшие лишь исполнять приказы, но не знающие, как принимаются решения.

При втором типе лидеры утрачивают необходимые для руководства качества, а с ними — и доверие масс, что вынуждает их удерживать власть с помощью одной лишь грубой силы. «Иными словами, распад надломленной цивилизации начинае-тся с отделения пролетариата от группы лидеров, выродившейся в правящее меньшин-ство» (там же). В отличие от «творческого меньшинства», занимающего своё ме-сто в силу особых способностей (не последняя из которых — способность внушить массе доверие к себе), «правлящее меньшинство» удерживает власть без достаточных на то оснований, а инициатива переходит ко «внутреннему пролетариату» — людям, хотя и творчески активным, но отстранённым от принятия властных решений. Им остаётся только духовная сфера, поэтому формой их организации становится «все-ленская церковь». Со своей стороны, формой организации «правлящего меньшин-ства» становится «универсальное государство», охватывающее весь «мир» — весь ареал данной цивилизации. Ведь только при полном контроле над всякой возмож-ной оппозицией выродившаяся элита способна удерживать власть. Внешние границы цивилизации, до сих пор довольно размытые, теперь резко очерчиваются — лиме-

сами и великими стенами. К этим границам стягивается «внешний пролетариат» — варвары, привлечённые богатствами слабеющей мировой державы. В конечном счёте атаки «внешнего» и пассивность «внутреннего пролетариата» приводят «изрушившуюся» цивилизацию к гибели. Но варвары не в состоянии сразу же стать её полноценными наследниками, а «вселенской церкви» на это нужно время, поэтому наступает хиатус — период «тёмных веков» между гибелью одной культуры и рождением другой, дочерней. Вывод напрашивается:

«Во времена бедствий маска цивилизации срывается с примитивной физиономии человеческого большинства, тем не менее моральная ответственность за надломы цивилизаций лежит на совести их лидеров» (Тойнби 1991: 305).

Но ни у О. Шпенглера, ни у А. Дж. Тойнби нет образа «торжествующего обывателя» (Гумилёв 1990: 195).

Об отношении Н. С. Трубецкого к обывателям мы уже упоминали в предыдущем параграфе. По его мнению, Чингисхан различал два типа личности, причём у оседлых народов худший тип преобладает (Трубецкой 2007 {1926}: 299—300).

Наконец, в «*Ура Линде*» об обывателях специально не говорится. Их роль играют хорнинги и «люди Финды».

III.12. История как регресс: эволюция или инволюция?

Народ наш увядает, и за этой осенью весне не бывать.

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец, IV,5

Всё сказанное означает, что история — это драматический рассказ об упадке идеалов, сотворённых совершенными и беспорочными. Эта идея характерна для мифологического понимания мира, как его реконструирует М. Элиаде (1998), опираясь на идею архетипов К. Г. Юнга. Коль скоро «безгрешные» поступки — лишь повторение того, чему задали архетип боги в предвечные времена (*in illo tempore*), стало быть, любое новшество — это зло, нарушение изначального шаблона. Лишь то подлинно, чему некое божество научило людей в «начале времён». Поэтому любое развитие может быть только регрессом, а предел возможности лучших людей (то есть помнящих изначальные ценности) — это **реагирование** на вызовы времени, иными словами — **реакция**. Ведь изначально слово «реакция» — не ругательство, а именно вот это: более-менее пассивный ответ на активность «чуждых элементов», вторгшихся в систему (казалось бы) неведь откуда.

Ход мысли знаком, но задумаемся: о чём тут могла бы идти речь? О прогрессе научных и технических знаний? Но на это даже Библия не претендует: её задача — нравственная, а не научно-техническая. О моральном поведении? Это вернее: мораль ведь консервативна, её задача — охранять человеческое общество от распада, а не способствовать переменам. Но в таком случае и морали «премена бывает».

Впрочем, в данном случае наша задача — выяснить, не какова «истина в последней инстанции» (эта задача неразрешима), а какова историческая позиция наших авторов. Кто из них защищает идею прогресса и эволюции, кто — регресса и инволюции? Оказывается, для большинства из них любое историческое явление с самого начала появляется в идеальном виде. Вся его дальнейшая история — путь регресса, искажения вплоть до полной потери сходства с исходным «архетипом». Причём не по Юнгу и Элиаде, а по Платону: вспомним хотя бы историческую кон-